

ЧИТАЙ КНИГУ — СМОТРИ СЕРИАЛ!

ВАМПИРСКИЕ ВОИНЫ

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ

18+

Коллектив авторов
V-Wars. Вампирские войны
Серия «КиноBest»
Серия «КиноBest»

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/51746726>

V-Wars. Вампирские войны: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-117425-5

Аннотация

Они охотятся на нас... **В** мире существует много легенд о вампирах. Но теперь они становятся реальностью. **Человечество под угрозой.** Загадочная болезнь распространяется по земному шару и превращает людей в сильных и неудержимых монстров, которые скрываются среди нас. Они больше не люди. Они – новое звено в пищевой цепочке. **Перед вами хроника первой войны с вампирами.** От жестоких убийств, совершенных нулевым пациентом, до полномасштабных сражений с вампирскими террористическими организациями. Истории о самой страшной войне, с которой когда-либо сталкивалось человечество. **Вампирские войны начались. Мир будет кричать...** **В** книге, задуманной лауреатом премии Брэма Стокера Джонатаном Мэйберри, собраны истории таких авторов, как Нэнси Холдер,

Ивонн Наварро, Джеймс А. Мур, Грегори Фрост, Джон Эверсон,
Кит Р.А. ДеКандидо и Скотт Николсон и самого Д. Мэйберри.</p>

Содержание

Посвящения	6
Предисловие	7
Мусор. Часть 1	15
– 1 –	16
– 2 –	19
– 3 –	30
– 4 –	34
– 5 –	42
Смерть на дороге. Часть 1	44
– 1 –	45
– 2 –	61
– 3 –	67
– 4 –	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джонатан Мэйберри

V-Wars. Вампирские войны

Jonathan Maberry, Nancy Holder, John Everson, Yvonne Navarro, James A. Moore, Scott Nicholson, Keith R.A. DeCandido, and Gregory Frost

V-WARS

V-Wars © Idea and Design Works, LLC. All Rights Reserved.

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящения

Грегори Фрост: Оборотням, перевертышам и всем потенциальным вампирам.

Джеймс А. Мур: Моим братьям и сестрам, не дающим мне скучать.

Джон Эверсон: Моей любимой жене Джери, которая опасается, что я превращусь в вурдалака.

Джонатан Мэйберри: Саре, Джо и Сэму.

Кит Р. А. ДеКандидо: Другьям – присяжным заседателям по делу Дэвида Веги. Правдивая история из Бронкса для моих друзей из Буги Даун.

Нэнси Холдер: Скотту Вулвену.

Скотт Николсон: Посвящается Гутенбергу, Стокеру, Ромеро и Кингу.

Ивонн Наварро: Гоблину, Призраку и Упырю, что помогают держать чудовищ на почтительном расстоянии, когда я дома одна.

«Конец войны видели только мертвые».

Платон

Предисловие

Дейкр Стокер

Меня, как внучатого племянника Брэма Стокера, часто спрашивают, как наша семья относится к новым вампирским персонажам в нынешней литературе, пьесах и фильмах. Не граничит ли такое отклонение от образа графа Дракулы, давно ставшего «золотым стандартом» вампиров, со святотатством?

Наоборот, образ вампира никогда не был статичным, они веками приспособлялись, чтобы выжить. В самой их сущности заложена способность изменяться для маскировки и копировать определенные человеческие черты, чтобы заманивать или шокировать жертву. В художественной литературе вампиры всегда охотно подчинялись капризам писательского пера, неизменно доставляя удовольствие читателям и фанатам.

Хотя граф Дракула – это самый знаменитый вампир всех времен, Брэм Стокер никогда не претендовал на то, что вампиры были его изобретением, или что граф был первым образом вампира в литературе.

Задолго до того, как Брэм задумал написать «Дракулу»,

в 1819 году Джон Полидори написал «Вампира», а в 1847 году вышла книга Джеймса Малкольма Раймера «Вампир Варни». Вполне вероятно, что Брэм был знаком с обеими книгами, и они вдохновили его написать «Дракулу» (1897).

Следующий отрывок из вступления к «Вампиру» (1819) показывает, как фольклор Западной Европы и других стран медленно обретал популярность, так что при появлении вампиров в английской литературе читатели уже были готовы поверить в то, что эти кровососы существовали на самом деле.

«Суеверие, на котором основан этот рассказ, повсеместно распространено на Востоке. Оно общеизвестно среди арабов, однако среди греков не было популярно до принятия ими христианства.

Оно обрело свой современный вид с разделением римской и греческой церквей. В те времена широко распространилось поверье, что тело католика не разлагается, если захоронено в родной земле. Идея постепенно развивалась, создав тему для многих удивительных преданий, сохранившихся до сих пор: о мертвых, восстающих из могил и питающихся кровью прекрасных и юных. На Западе она распространилась позже: эти истории – с некоторыми отличиями – ходили в Венгрии, Польше, Австрии и Лотарингии. В последней существовало поверье, что вампиры ночью высасывают кровь у своих жертв, которые худеют, теряют силы, быстро умирают.

рают от истощения, в то время как те кровопийцы жиреют, их жилы так разбухают, что кровь сочится из всех отверстий, даже через поры кожи».

Сто двадцать пять страниц заметок, которыми Брэм пользовался при сочинении «Дракулы», показывают, как он создавал образ графа и сам сюжет. Как он переплетал народные предания и мифологию с историческими фактами, которые он почерпнул в собственной библиотеке и Британском музее. Также он привнес в книгу собственные воспоминания – о Лондоне, Уитби и Круден-Бэй (Порт Эррол). Получившийся в итоге образ стал поистине легендарным и нагонял на людей такой ужас.

Через несколько месяцев после выхода «Дракулы» в 1897 году, Брэм объяснил Джейн Стоддарт из «Бритиш Уикли», как создавался образ вампира. Он и предположить не мог, что его вампир затмит исторические предания, которые он использовал для создания произведения.

«В ответ на мой вопрос он рассказал, что сюжет долго крутился у него в голове, и что он писал книгу почти три года. Его всегда интересовали легенды о вампирах».

«Эта тема несомненно захватывает, – заметил он, – поскольку сочетает в себе как выдумку, так и факты. В средние века из-за страха вампиров пустели целые деревни».

«На чем основана эта легенда?»

«Кто-нибудь мог впасть в транс, внешне похожий на смерть, и его могли преждевременно похоронить. Впоследствии тело могли выкопать и обнаружить, что человек жив. От этого людей охватывал ужас, и, в силу своего невежества, они воображали, что это вампир. Более истеричные от страха могли также впасть в транс, отсюда распространялись слухи о том, что вампир способен подчинить множество людей и превратить их в свое подобие. Считалось, что в некоторых отдельных деревьях вампиров может быть даже несколько. Когда людей охватывала паника, у них была только одна мысль – бежать».

«Где в Европе больше всего верили в это?»

«Дольше всего предание сохранялось в Словении, но оно известно и в других странах: Китае, Исландии, Германии, Саксонии, Турции, Херсонесе, России, Польше, Италии, Франции и Англии, а также у монголо-татарских племен».

«Наверное, чтобы понять легенду, надо ознакомиться с многочисленными источниками?»

Мистер Стокер сообщил мне, что поверья, отраженные в «Дракуле», он собрал со страниц множества разнообразных документов.

«Ни одна книга из тех, что мне известны, не предоставит вам всех фактов. Я многое почерпнул из книги Эмили Джерард «Очерки о румынских суевериях», которая впервые появилась в журнале «Девятнадцатый век», а позднее была издана одноименная книга. Я также кое-что узнал из «Кни-

ги оборотней (Вервольфы)» мистера Бэринг-Гулда, который пообещал написать книгу о вампирах, но не знаю, как далеко он с ней продвинулся».

В Стокеровских «Заметках для Дракулы» (Музей Роквелла, Филадельфия) есть ссылка на «Книгу вервольфов» (1865) Сэбайна Бэринг-Гулда. Описание Брэмом графа Дракулы – клыки, заостренные ногти, волосатые ладони и кустистые брови – показывает, что у Брэма вампиры ассоциировались с вервольфами. Как и во многих культурах, они считались сверхъестественными порождениями тьмы.

Отрывок из «Книги вервольфов»:

«Болгары и словаки называют вервольфа «vrkolak» (волколак) – название, похожее на то, как зовут его современные греки... У греков вервольф (или ликантроп) очень похож на вампира. Ликантроп впадает в каталептический транс, во время которого его душа покидает тело, входит в тело волка и рыщет в поисках жертвы. По возвращении души, его тело измождено, как после изматывающих тренировок. После смерти ликантропы становятся вампирами. Они посещают поля сражений в образе волка или гиены и ловят момент, когда солдаты испустят дух, или врываются в дома и крадут младенцев из колыбели...»

В образе графа Дракулы Брэм воплотил далеко не все чер-

ты, описанные его предшественниками, но они появились в последующих успешных воплощениях образа вампира. В исполнении Белы Лугоши этот образ обходительного вампира-аристократа окончательно закрепился в театре (1927) и кино (1931). Даже сегодня во всем мире типичный вампир щеголяет в черном плаще, смокинге, с клыками, восточно-европейским акцентом, неизменно узнаваемый людьми всех возрастов.

Образ Дракулы-Лугоши теперь можно встретить в магазинах карнавальных костюмов. Вампиры сегодня – далеко не аристократия, в наши дни они живут среди обыкновенных людей. Традиция принятия бунтарей, плохих парней и чужаков породила изменения в современном вампирском жанре. В противоположность классическому злему, беспощадному вампиру, доведенному до совершенства Брэмом, наш толерантный мир вампиров любит. Ныне изгои не просто вызывают жалость и сочувствие, их раскрепощенности, сексуальности и свободе даже завидуют, чего нельзя сказать о прежних нелепых жутких отшельниках.

Во вступлении к «Кровавому чтиву» (1997) Джоан Гордон и Вероника Холлинджер комментируют книгу антрополога Пола Барбера «Вампиры, погребение и смерть»: «Какой яркий след оставили вампиры в истории в различных культурах! Он напоминает нам о том, что мифы и предания о вампирах описывают не одно конкретное существо, а что-то гораздо более могущественное, создание, которое может спра-

виться с аллегорическим бременем перемен и множеством вариаций коллективного бессознательного».

Авторы «Вампирских войн» обращаются к извечной проблеме. Что бы произошло, если бы вампиры существовали на самом деле? Какими бы они были, если бы приспособились к современной жизни? Какие качества превращают их в хищников и в то же время привлекают читателей, фанатов этого жанра?

В этих рассказах предания о вампирах рассматриваются с разных точек зрения, а нежить оказывается в новых захватывающих обстоятельствах. Хотя их метафорическая роль не противоречит историческому мифу о вампирах, каждый автор создал и воплотил образ существ, сумевших приспособиться к переменам в обществе. Вампиры в «Вампирских войнах» иллюстрируют изменения в классическом образе, необходимые для выживания.

«Вампирские войны» позволяют нам заглянуть в старинный мрачный мир вампиров. Здесь нет романтических героев. Нет гламура. Зато есть исследование природы вампира. Если они существуют, кто они? Обычные чудовища или нечто гораздо более сложное? И чем это чревато для нас? Что происходит, когда их природа вступает в конфликт с нашей?

В этой книге все рассказы разные. Так же, как и вампиры. Да как и мы, люди. Итак... закройте двери и опустите жалюзи. Снаружи уже темно. Устройтесь поудобнее и приступайте к

Чтению.

Здесь тоже тьма, вот увидите.

Дейкр Стокер

Апрель 2012 г.

Мусор. Часть 1

Джонатан Мэйберри

Департамент полиции Нью-Йорка, шестой участок.

12 октября 16:55

За день до события В.

– Это ваша кровь?

Заклученный покачал головой.

– Говорите громче, пожалуйста, – попросил голос за стеклом, – помните, идет запись.

– Нет.

– Что нет?..

– Да какая, нахрен, моя кровь! Господи, если бы из меня столько вытекло, вы думаете, я смог бы так много пробежать? Я бы просто вырубился. Или вообще...

– Продолжайте.

Заклученный покачал головой. Язык не поворачивался выговорить «умер».

– Вы помните, как бежали по улицам? – спросил интервьюер.

– Нет. – Молчание. – Даже не знаю, может, немного. Вроде что-то помню. В голове все перемешалось.

– Вы знаете, почему были без одежды?

– Я... не уверен.

– А помните, где ее оставили?

– Копы уже задавали мне те же самые вопросы. У них спроси.

– Я не коп, – заметил интервьюер.

– Ты на них работаешь.

– С ними.

– Как бы там ни было, парень. Я уже рассказывал копам.

У них все это есть.

– Мне бы все-таки хотелось услышать это от вас.

– Зачем? Они только и ждут, как бы упечь меня за решетку.

– Может, и так.

Заклученный резко обернулся и уставился в полупрозрачное зеркальное стекло.

– Что?

– Может, полиции и впрямь не терпится запереть вас, – согласился интервьюер. – Но, как я сказал, я не полицейский.

– Так чего же ты задаешь мне те самые же вопросы, приятель? Чего ты хочешь?

– Я пытаюсь понять.

– Понять что?

– Вас.

Заклученный засмеялся отрывисто, горько и зло.

– Меня? Что тут понимать? Я сам не понимаю, что произошло. Я не помню, что случилось.

– Ну, это вряд ли, – усомнился интервьюер. – Наверняка помните. Даже думаю, хотите с кем-нибудь поделиться. Вам

так же хочется понять это, как и мне.

– Нет, не хочется.

– Неправда, – заявил интервьюер. – Вы хотите этого.

Заклученный посмотрел на зеркальную поверхность особливо прочного стекла, отделявшего его от голоса.

– Ну так иди сюда, давай побеседуем с глазу на глаз.

– Нет, – сказал интервьюер. – Пожалуй, лучше не стоит.

– Это почему?

– А как вы думаете?

Заклученный издал звук. Низкий, утробный. То ли выражение гнева или отвращения, то ли смех. Может и всхлипывание.

– Так почему, по-вашему, мне не хочется подойти? – подсказал интервьюер.

– Ты меня боишься?

– Да, – согласился интервьюер. – Верно.

После небольшой паузы арестант сказал:

– И это правильно.

– Я знаю.

Старбакс, Гроув-стрит, 72, Вест-Виллидж, Нью-Йорк

29 сентября 12:25

За 14 дней до события В.

Это была чушь.

Бред сивой кобылы.

Майклу Фэйну хотелось швырнуть сценарий через всю комнату. Облить бензином и наблюдать, как он горит.

«Сними это на камеру, – горько подумал он. – Все как-кая-то развлекуха».

Он раздраженно уставился на лежащий перед ним на столе сценарий. Попробуй сожги эту чертову макулатуру. Не лучший способ провести последние пять минут перерыва. Покупатели, эти овцы, свихнутся. Даже завсегдагаи, которые тупо плывут по течению в безысходной, бесперспективной рутине, как и он. Полыхающий сценарий, летящий над прилавком, вызовет у них опасную реакцию, еще чего доброго заставит выйти из «зоны комфорта», что никому не нужно.

Фэйн презрительно разглядывал очередь кофеманов, выстроившуюся перед прилавком. Небольшая встряска им бы не повредила. Даже доктор прописал бы, но ведь они сразу его возненавидят.

И чаевые бы не помешали. Блин.

Кроме того, у половины из них в кейсах и рюкзаках, наверное, такие же сценарии, как и у него. Прямо все из себя деловые, заказывают всякие дорожные навороченные виды кофе, важность напускают, чтобы легче переварить такую же туфту, которую покажут по третьесортным кабельным каналам или сразу на «Нетфликсе». Нет уж, от них сочувствия не дождешься, небось скажут, мол, чего ты ноешь, чего выпендриваешься, у нас сценарии такие же дерьмовые, как у тебя.

Он почувствовал чей-то взгляд и покосился на двух девиц за соседним столиком, что шушукались и украдкой поглядывали на него. Хорошенькие, лет двадцати с небольшим, для него, пожалуй, малолетки, если судить по его документам, а не по внешнему виду. На вид-то ему еще можно дать лет двадцать шесть – двадцать восемь.

Прелестные девчонки. У блондинки несколько лишних фунтов, но отложились там, где надо. Брюнетка косила под гота. Худенькая, перебор с макияжем, вся увешана странными украшениями, но Фэйну был знаком этот тип. Такие эмоциональные девчонки в постели просто огонь. Может, слегка навязчивы на следующий день, но бессонная ночь обеспечена.

У него был выбор. Можно ослепить их улыбкой, на которой его стоматолог заработал чуть ли не новую яхту, но это, пожалуй, перебор, ради таких девиц можно особо не напрягаться. А можно изобразить легкую ухмылку, как на фотографии для портфолио. Чуть-чуть Клинта Иствуда тех вре-

мен, когда он еще красовался по ту сторону камеры, капельку Колина Фаррелла и побольше Нэйтана Филлиона. От этой улыбки телки так и норовили раздеться.

Он остановился на последнем варианте.

Обе залились краской и тут же принялись шушукаться, чуть не стукнувшись лбами. Фэйн отвернулся ровно настолько, чтобы сделать вид, будто не смотрит в их сторону. Девочки все порывались разглядеть название его сценария, а значит, они, по крайней мере, соображали, что это сценарий. Фэйн поставил кофейную чашку на верхнюю страницу, стыдливо прикрывая заголовок: «Гигантская ледниковая соороконожка против ленивца-осьминога», часть третья.

Да уж, на такое телки точно клюнут.

Это был не просто кусок дерьма, а третий кусок подряд. Два из них уже отсняли. Первая часть собрала более-менее приличную кассу, чтобы пригласить парня, что играл того типа в одном эпизоде «Звездных врат». Как, черт возьми, его звали? Он еще участвовал в реалити-шоу о красавчиках, что снимались в фильмах типа «Звездных врат».

В тот раз Фэйну никто не перезвонил. Его агент даже не заикнулся насчет первой части. Или второй. В ней даже не играл тот парень. Нет, в той части снялся какой-то тип из сериала, который прикрыли. У него там была эпизодическая роль бармена, буквально пара фраз. Что-то вроде: «Последний заказ, дамы!» Такими фразами прославился Шекспир. Эта писанина дала шанс Дэвиду Мэмету. Да, тот тип играл во

втором фильме. Но и в этот раз телефон Фэйна не зазвонил. Нет, его телефон зазвонил, когда они приготовились снимать третий фильм. Третья часть обычно скатывается до чего-то среднего между порнухой с карликами и рекламой.

Добро пожаловать в Голливуд!

Тебя ждут огни большого города, участие в шоу Джона Стюарта и столько первосортных задниц, сколько осилишь.

Ага, а потом лететь обратно в Ньюарк эконом-классом и снова за работу – торчать за стойкой в манхэттенской кофейне, перебиваясь дерьмовыми ролями, которыми на жизнь-то заработать можно, но карьера с каждым разом все глубже зарывается в помои.

Девицы все хихикали. Знойные, ничего не скажешь.

Вот, пожалуй, единственное преимущество при такой работе, как у него.

Клевые цыпочки пили много кофе: фраппе и латте, капучино и мокка-блин-штанино и тому подобное, лишь бы звучало словно то, что пьет в Европе утонченная публика. Фэйн бывал в Европе. В Европе пьют просто сраный кофе, но кто ж тебе поверит.

Он поглядывал на девчонок, которые все еще старались прочесть что-нибудь с верхней страницы сценария. Фэйн небрежно кинул мобильник на эту макулатуру, прикрывая фамилию автора. Тот клоун в любом случае еще тот писака. Крапает в основном романы по мотивам фильмов да туфты вроде «Ленивца-осьминога», чтобы заработать на дурь

или выплачивать алименты. Ну просто невозможно поверить, что в творческом порыве на писателя «снизошла» такая ерунда.

«Гигантская ледниковая сороконожка против ленивца-осьминога», часть третья.

Третья, боже ты мой!

Четыре года назад его могли бы пригласить для первой серии.

А семь лет назад он мог бы попасть в какой-нибудь приличный фильм, потому что за год до этого как раз в таком снимался. После него карьера должна была пойти в гору, но агент подсунул какую-то лажу, и что самое ужасное, тот сценарий его зацепил.

«Книга страха».

Боже.

«Книга страха» звучало клево. Он получил сценарий в день премьеры «Соцсети» в кинотеатрах. Съёмки начались за неделю до «Оскара». Это был обреченный на успех ужастик в ретро-стиле, который попал в струю. Несколько тем позаимствовали из фильма «Убийца в социальной сети». Там еще был слоган «Этот коварный «Фейсбук»».

В «Твиттере» об этом много писали.

Актерский состав был хорош. Не блестящ. Никого из мегазвезд, но серьезные характерные актеры. Та баба из телесериала «C.S.I.: Место преступления». Старый пердун из фильма Джона Карпентера. Девчонка, что раньше была

Мышкетеркой, пока не отрастила сиськи и не начала отжигать на тусовках. Классика. Шик... пшик. Исключительно замечательно.

Кроме...

На Мышкетерке в сценарии было завязано очень много основных сюжетных линий, слишком много ключевых сцен, полностью зависевших от нее, где требовалось хотя бы маломальское... как же это называется? Ах, да... актерское мастерство.

Которого у нее не было.

Эта бездарь даже на никудышную актрису не тянула.

Вот такой сюрприз! Кто бы мог подумать? Она же прошла диснеевскую школу, а что ни говори про «Мышиный дом», но актеров там муштровали как в гестапо. Мало того, у актрисы было две премии «Эмми»¹, черт возьми! То есть девица должна была сыграть роль даже с закрытыми глазами. И в конце концов это не Гертруда из «Гамлета»! От нее всего-то требовалось изобразить испуганную смазливую девушку, сверкнуть сиськами и с визгом дать деру от типа с ножом.

Но... фиг вам.

Фильм собрал в кинотеатрах около восьми миллионов баксов. Даже не дотянул до планки, чтобы номинироваться на «Золотую малину»².

---

¹ Дневная премия «Эмми» вручается лучшим дневным телепрограммам, считается телевизионным эквивалентом «Оскара». (здесь и далее прим. пер.)

² «Золотая малина» – награда за сомнительные достижения в кинематографе.

Бюджет в тридцать миллионов долларов – все коту под хвост. Отбили около миллиона, в основном благодаря прирожденным дебилам, которые хватали видео, увидев на обложке диснеевскую телку с буферами в лифчике – последняя отчаянная попытка отдела маркетинга.

Фэйн отхлебнул кофе и посмотрел время на мобильнике. Еще три минуты и потом придется натянуть дежурную улыбку, борясь с желанием исподтишка плюнуть в кофе.

Грудастая блондинка подначивала чернявую что-нибудь ему сказать. Фэйн одарил их еще одной мимолетной улыбкой. Обе залились ярким румянцем. Ну да, можно подумать... Фэйн мог побиться об заклад, что на них клейма негде было поставить. Сразу видно, шлюхи. Небось пониже спины – тату с кельтской вязью или какой-нибудь дельфин. Что-то в этом роде.

Он отхлебнул еще кофе, но быстро поставил чашку на заголовок. «Ленивец-осьминог» – от такого названия телки из трусов выпрыгивать не станут. Даже из «Старбакса».

Он вспомнил о своем втором фильме, который должен был вытащить его карьеру из выгребной ямы, где она болталась рядом с себе подобными – остальных участников съемок «Книги страха». Тот фильм был в жанре научной фантастики по сценарию того типа, что написал одну из частей «Чужих». Вполне приличный режиссер. Заманчивое название «Затерянные во льдах». Сценарий неплохой, но завязан на спецэффектах, так что никто не ожидал особых похвал

Академии за актерское мастерство. У Фэйна была вторая главная роль сухопарого положительного героя, который в третьем действии оказывается злодеем и получает пинка от решительной героини. Когда Фэйн давал согласие на съемки, продюсеры намекали на ведущих актрис, таких как Мила Кунис или Эмма Стоун. Но к началу съемок явилась какая-то телка, три раза промелькнувшая в «Друзьях» полмиллиона лет назад. Фильм сразу вышел на видео. Даже не засветившись в кинотеатрах.

Три месяца Фэйн провел в задрипанной дыре под названием мыс Барроу на Аляске, самой крайней северной точке всей территории Соединенных Штатов, и все полетело к чертям. До Северного полюса оставалось каких-нибудь двенадцать сотен миль. Продюсерам захотелось натуральных съемок на месте каких-нибудь археологических раскопок, что-то связанное с народностью Туле, предками инуитов, до которых никогда никому не было дела, кроме канала «Дискавери». На съемках этой киношки он чуть не отморозил себе бубенцы. И вопреки ожиданиям продюсеров, неплохо сыграл. Герой, многоплановый и противоречивый негодяй, был не в ладах с собственной подлостью.

Такую работу не стыдно другим показать.

К тому же Фэйн совсем расклеился, но даже с высоченной температурой умудрился не перепутать текст, ни разу не нарушил компоновку кадра и сыграл сцену смерти так, что зрители обрыдаются. Но фильм так и не дошел до экранов

кинотеатров.

А тот вирус, что он там подцепил, – вот это стало большим событием, H1N1, «Ледниковый вирус». Какая-то дрянь, замороженная под толщей арктического льда дохрениллион лет назад, а теперь оттаявшая из-за глобального потепления и т. д., и т. п.

Хорошенькое дельце! Он чуть не сдох. Когда он вернулся в Лос-Анджелес, температура поднялась выше сорока и из него хлестало как из гуся. Пришлось лечь в больницу, хотя медицинская страховка давно закончилась. Теперь до конца своих дней не расплатиться. Еще и время зря потратил на выбивание компенсации от киностудии без доказательств, что заразился во время съемок, несмотря на кричащие заголовки в газетах и всеобщий переполох похлеще чем от свиного гриппа.

Однако грипп его не прикончил, так что это запишем в актив. Вообще-то от него никто не умер, несмотря на традиционно раздутую панику из-за скандальных сводок новостей, изобилующих липовыми «фактами».

Едва выйдя из больницы и добравшись домой, Фэйн снова слег на целый месяц. Счета на оплату росли, а банковский скукожился сильнее, чем его причиндалы тогда, на Аляске.

С тех пор прошло уже почти два года, но ледниковый грипп все никак не отпускал. Привязался как банный лист, и с каждым обострением болезни Фэйн скатывался все ниже, потому что не мог выходить на работу. Два раза это случа-

лось во время съемок. В первый раз продюсеры отнеслись с пониманием, во второй – его заменили. С тех пор он перебивался озвучкой рекламного дерьма и эпизодическими ролями или массовой в сериалах, которые никогда не смотрел.

Если бы он взялся за этот новый кусок лабуды, то появились бы деньжата, чтобы хоть как-то удержаться на плаву, что совсем недурно, но придется снова торчать на морозе, вот ведь досада. «Гигантскую ледниковую сороконожку против ленивца-осьминога», часть третью, собирались снимать в северной Канаде. Малость южнее, чем «Затерянные во льдах», но тем не менее. Уже стоял октябрь, и эти идиоты хотели начать съемки в январе. Будь проклят чертов ледниковый грипп! Да туда, на север Канады, в разгар зимы даже лоси не забредают, о чем, черт возьми, эти дебилы думают? Надеются, что те недоумки, которые станут смотреть эту муру на канале фантастики, протрезвеют настолько, что отличат настоящий снег от бутафорского? В конце концов, фильм о чудовищах, а их делают с помощью компьютерной графики, так что, какого черта...

– Эй, Майк!

Подняв голову, Фэйн увидел, что его подзывает помощник старшего смены. Перерыв закончился, и Фэйн поднялся, поборов искушение подпалить этот сценарий или швырнуть его в мусорку.

Он еще раз покосился на девиц. Те застыли, вытаращившись на него.

– А, чем черт не шутит, – пробормотал он и выудил из бумажника визитку, на которой была фотография с той самой ухмылкой, адрес электронной почты, ссылки на страницы в «Фейсбуке» и «Твиттере» и номер сотового телефона. Потом достал из кармана шариковую ручку и, убедившись, что на него смотрят, написал на обороте: «Звоните».

Наконец он выпрямился, в упор не замечая начальника, с таким важным видом, насколько это было возможно в синтетической рубашке с тремя пуговицами и зеленом переднике. Сложив сценарий пополам, он сунул его под мышку, а проходя мимо девиц, с поклоном оставил визитку на столе ровно посередине между ними, и в последний раз одарив своей фирменной улыбкой, продефилировал к стойке.

Вскоре он получил сообщение от блондинки.

Ему было без разницы, кто клюнул. В конце концов, ему было пофиг кого шпилить, любая сойдет.

Департамент полиции Нью-Йорка, шестой участок.

12 октября 17:06

За день до события В.

– Меня же поджарят, да? – спросил заключенный. – Копы, окружной прокурор... хотят меня убить.

– Они хотят вас понять, – сказал интервьюер.

– Брехня! Это ты хочешь меня понять. Все будут требовать высшей меры. Электрический стул. Или... как там еще казнят? В этом штате вроде ставят смертельный укол? Что еще?

– Нам неизвестны их планы. Или намерения. Кроме того, – успокоил интервьюер, – в Нью-Йорке нет смертной казни. Даже не знаю, существуют ли еще камеры смертников.

– Они хотят меня прикончить, – настаивал заключенный. Он потупился и потом сказал: – Бьюсь об заклад, тебе сказали, что они хотят меня поджарить.

– Я всего лишь консультант. С такими, как я, дела не обсуждают.

– А если тебя спросят?

– Не спросят.

– Ну если? Не для протокола. Около кулера с водой или за пивом. Как по-твоему, заслужил я смертную казнь?

Наконец заключенный произнес слово «смерть». Уже радуется. Похоже они чуть-чуть сдвинулись с мертвой точки.

– Даже если бы в этом штате применялась смертная казнь, – сказал интервьюер, – я бы такое не одобрил.

– Хватит увиливать. Если бы ты одобрял смертную казнь, по-твоему меня бы стоило казнить?

– Нет, – ответил интервьюер. – Я считаю, что даже по закону вас казнить не следует.

Заключенный помолчал немного, потом сказал:

– Хорошо.

– Хорошо, – ответил интервьюер.

– Спасибо.

– Не за что.

Помолчав секунд десять, заключенный снова заговорил:

– Я не врал, когда сказал, что многого не помню.

Интервьюер ждал.

– Какие-то куски выпали у меня из памяти. В смысле, отрезки времени. Они просто... пропали.

– Совсем стерлись?

– Нет... как раз из-за этого я начал беспокоиться. Не знаю, как это называется, провалы в памяти или что.

– А до этого провалы были?

– Конечно.

– Конечно?

– Такое с каждым бывает. Бухнешь, занюхаешь пару дорожек... ну, то есть...

– Можете не скрывать, что употребляли, – заметил собеседник. – Вряд ли полицейским вздумается заводить на вас дело из-за наркотиков.

Арестант снова хмыкнул и то ли усмехнулся, то ли всхлипнул.

– Да уж, – заметил он, – наверное.

– Провалы... – подсказал интервьюер.

– Просто... ну да, порой закладываю за воротник. Но я не алкоголик, – быстро заговорил заключенный. – Но я... да, я знаю, как пить. Потом, переехав в Лос-Анджелес, затусил с нужными людьми, а у нужных людей всегда найдется кокс. Там все нюхают.

– Я в курсе.

– Бывало, после таких тусовок просыпался в квартире у какой-нибудь телки или в шезлонге возле бассейна в фешенебельном особняке на холмах. Пару раз очухивался у себя в машине. Однажды оказался посреди Южного централа, и даже не спрашивай, какие черти меня туда занесли. Я сам блее белого, какие у меня черные друзья.

– Ясно.

– Но теперь все не по-другому. Я про новые провалы. Они совсем не похожи на прежние.

– В каком смысле?

– Они... Даже не знаю. Обычно вырубаетесь после тусовки, поутру во рту словно коты нагадили. Так крутит-мутит, что сдохнуть хочется, до того хреново.

– А эти новые провалы?

– О, черт... это совсем другое.

Кристофер-стрит, Вест-Виллидж, Нью-Йорк

30 сентября, 6:22

За 13 дней до события В.

Фэйн проснулся от запаха.

Вонь стояла жуткая.

– Боже, – простонал он и отпихнул простыню, уверенный в том, что обделался. Он не первый раз так надрался, случилось и облеватся, и обмочиться, ну да, после одной вечеринки в колледже разок даже в штаны наложил. В ту ночь он уяснил, что не стоит хлебать из чужого пупка, догоняясь залпами «Миллера», двойным «Егермайстером» и занюхивая шестью дорожками кокса.

Эх, молодо-зелено!

Фэйн снова застонал от собственных воспоминаний, таких отчетливых, словно цифровая копия высокого разрешения, да еще под перебранку ангела с дьяволом, нашептывающих в оба уха. Что тот, что другой – порядочные сволочи, так и норовят всю жизнь превратить в хреновый анекдот.

«Черт с ними, и с этим тоже», – Фэйн уселся в постели, кривясь от жуткой вонищи.

На простыне дерьма не было.

Там вообще ничего не было, кроме распечатанного, но не

использованного презерватива и пятна от губной помады. Фэйн все никак не мог продрать глаза, а во рту было так поганно, будто крысы нагадили.

Черт, все насквозь провоняло. Аж в горле першит.

Впрочем, дело не только в вони.

Он огляделся и выругался:

– Блин!

Он оказался в чужой квартире. Кровать была накрыта черными простынями и одеялом. По одному цвету можно было догадаться, что без подружки-гота тут не обошлось, небось это она на Рождество блондинке подарила. Ночник с наброшенным розовым шарфиком свалился с прикроватной тумбочки на пол. Там же был треснувший радиобудильник с потухшим экраном.

В спальне больше никого не было. Чисто девчачье жильё. По стенам развешаны фотографии в рамках: девчонка-всадница, семейные снимки, где все улыбаются, немецкая овчарка. Интересно, какому идиоту придет в голову вешать портрет овчарки в рамочке?

Комод заставлен пузырьками, флаконами с духами, тюбиками всякой косметической фигни. Все чужое, ничего знакомого.

Но черт побери, что же так воняет?

Вот будет приколы, если ту телку, с которой он вчера перепихнулся, только что пронесло? А еще круче, если она даже не удосужилась за собой смыть. Ну и вонь, как будто у нее

внутри кто-то сдох.

Фэйн спустил ноги на пол и оттолкнулся руками от постели.

И тут начались настоящие странности.

От этого толчка он пролетел полкомнаты и врезался в комод, разметав этот бабский хлам по всей спальне. А грохот в тихой комнате показался оглушительным, как авария на дороге.

Фэйн остолбенел – удивленный неожиданным всплеском собственной энергии и шумом. Он прислушивался к звукам из туалета. Поспешный смыс. Встревоженный вопрос, что тут случилось.

Но там было тихо.

Он медленно выпрямился.

Какое-то странное ощущение. Он смутно припоминал, как вчера надрался, так что неудивительно, если бы сейчас едва держался на ногах и мучился от бурчания всей этой отравы в кишках, а башка бы трещала так, что глаза на лоб лезли. Ничего подобного.

Вообще ничего не болело.

Он был сыт, пузо набито так, будто обожрал целый ресторан. Интересно, когда только успел? От выпивки у него всегда пробуждался волчий аппетит, даже агент его за это вечно шпынял. Подумаешь, каких-то пять лишних фунтов, ну разве что для роли требовался рельефный пресс и никаких свисающих складок.

Он потрогал живот. Набит под завязку.

Но все же не мутило. Совсем. Просто... сыт.

Единственное неудобство – шатает так, что мама не горюй. После всего, что было вчера вечером, он еще легко отделался. Вонь еще сильнее ударила в нос. Не то что вонючий источник стал ближе – просто встав, легче вдохнуть полной грудью.

– Вот ведь незадача, – буркнул он себе под нос.

Девушка там наверняка надолго застряла, небось неслабо пронесло с такого жуткого бодунища-то, а ему хоть бы хны.

«Лучше ее, чем меня», – подумал он.

Он сгреб с пола рассыпанную косметику и свалил как попало на комод – где там что раньше стояло, сам черт не разберет. Потом пшикнул на пальцы какими-то духами и намазал себе под носом. Самый лучший способ перебить вонь. Эту фишку он просек, когда встречался с корейкой, работавшей в магазине «Олд нейви» рядом со «Старбаксом». Телка была знойная, как палящее солнце, но от нее всегда несло чесноком. Капля одеколona над верхней губой – и вуаля! – запаха нет и в помине.

Оглядев свои шмотки, разбросанные по всему полу от закрытой двери до постели, он усмехнулся. После десятой рюмки «Егермайстера» все было как в тумане, но он смутно припоминал, как они с блондинкой срывали с друг друга одежду. У нее было где-то около двадцати лишних фунтов весу, по большей части пятая точка и буфера, так что его все

устанавливало. Ее шмотки валялись там же на ковре. Лифчик и стринги из одного комплекта, так что она явно искала кого-то на ночь там, в «Старбаксе». Иногда подцепишь телку, а на ней не только бабушкины панталоны, а еще лифчик из какого-то брезента, как корсет у Бэтмена, не хуже пуленепробиваемого жилета. Попавшись в таком белье, они обычно линяют в ванную, чтобы переодеться во что-нибудь поприличней, такое кружевное, и уж тогда прикидываются, что теряют голову.

Но про эту такого не скажешь.

Нагнувшись за трусами, Фэйн заметил, что ее блузка вся изодрана в клочья, и снова усмехнулся. Настоящая дикая страсть. Такое на камеру не сыграешь, все происходит на одном дыхании и со стороны смотрится не ахти, но черт возьми, это полный улет.

Он быстро оделся. Душ, конечно, отпадает, черт его знает, что там, в ванной. Когда натягивал рубашку, у него заныла спина, и он оглянулся через плечо, повернувшись задом к зеркалу.

Боже.

Вся спина расцарапана, местами в кровь, теперь уже подсохшую. Как бы ни был пьян, вчера он, похоже, действительно свел эту телку с ума.

Фэйн усмехнулся:

– Клево, – тихо сказал он, подмигнув своему отражению в зеркале, и похотливый ублюдок подмигнул в ответ.

Он раздумывал, не оставить ли записку, но потом отбросил эту мысль. Даже имя девицы совсем вылетело из головы. Что-то, кажется, на букву К. Один из ныне модных вариантов Кэтлин. Кейтлин, или Кетлин, Котелка, Котейка. Такая бредятина.

Оставить записку для К?

Он поразмыслил и решил, почему бы и нет. Он ведь не последний урод.

Потом нашел в куче хлама на комодe чек из «Старбакса», ручку с логотипом банка и нацарапал как обычно:

«К., ты просто полный отпад. Не слабо мы отожгли, да? М.»

Коротко и не слащаво. Просто легкий флирт, никакой любви до гроба.

Он положил записку на подушку и собрался отчалить, но тут запнулся обо что-то тяжелое, скрытое под черными атласными простынями.

Фэйн откинул простыню и посмотрел вниз.

И не сдержал рвущегося из груди дикого вопля.

Он отшатнулся, не удержался на ногах, с размаху шлепнулся задницей на пол и засучил ногами, отползая прочь, пока не уперся спиной в стену возле двери в ванную.

Предмет, на который он наткнулся, наполовину торчал из-под кровати.

Фэйн заткнул рот кулаком, чтобы не завопить снова.

Белый свет померк, Фэйн застыл на месте, задыхаясь от

сдавившего грудь ужаса.

Ему послышалось, как кто-то тоненько скулит, без конца повторяя имя Всевышнего. Голос напоминал его собственный, только сдавленный спазмами в горле и кулаком, зажатым между зубами.

– Господи, господи, господи...

Все, чем Фэйн вчера набивал желудок, вся жратва и выпивка вдруг запросились наружу, но от такого потрясения он был не в состоянии даже проблеваться.

Время растянулось до бесконечности. То, что валялось под кроватью, все никак не исчезало, не становилось плодом замутненного алкоголя воображения. Так и лежало под черными атласными простынями, уставившись на него широко распахнутыми голубыми глазами. Фэйн метнул взгляд на прикрытую дверь ванной и уронил руку с зажатым в зубах кулаком.

– Господи, – прохрипел он. – Пожалуйста... только не это.

Он поднимался на ноги целую вечность. Все тело трясло в порыве бежать без оглядки. Прикрыть простыней то, что никак не могло валяться на полу, и валить отсюда ко всем чертям.

Но вместо этого, вопреки здравому смыслу, он потянулся к ручке двери, пересиливая себя. Боже, как ему не хотелось открывать ту дверь.

Пальцы сомкнулись на ручке, и она повернулась с тихим щелчком.

Фэйн отнял руку, и дверь открылась.

Блондинка была там. То есть другая половина.

И тут Фэйн рухнул на колени, живот скрутило, и все съеденное накануне хлынуло изо рта наружу бурной волной, окатившей всю ванную.

Это была не китайская еда из ресторана.

Твердой пищи там не было вовсе.

Вся ванная стала багрового цвета.

Департамент полиции Нью-Йорка, служба экстренной помощи

30 сентября, 7:16

За 13 дней до события В.

Запись звонка в полицию, полученного службой экстренной помощи Департамента полиции Нью-Йорка в 7:16, вторник, 12 сентября.

Диспетчер: «Девятьсот одиннадцать, сообщите, что у вас случилось».

Мужчина: «Твою мать, она мертвая и...»

Д.: «Спокойно, сэр. Расскажите, что случилось».

М.: «Она вся разодрана на куски. Голова на полу... а ванная... просто охренеть...»

Д.: «Сэр, постарайтесь успокоиться. Скажите, где вы находитесь».

М.: «Я... я не знаю. У нее дома. Боже, даже не знаю где я».

Д.: «Сэр, вы не ранены?»

М.: «Нет, я нашел ее в таком виде и...»

Д.: «Вам угрожает опасность?»

М.: «Нет».

Д.: «Как зовут раненую?»

М.: «Она не ранена... Боже, вы что, не слушаете? Ее разорвали в клочья и...»

Звонок прерывается.

Серита Санчес, оператор службы экстренной помощи Департамента полиции Нью-Йорка, посмотрела на экран. Специальная программа могла показать адрес и фамилию любого звонящего абонента. На дисплее высветилось: «Кейтлин Монтгомери». Квартира находилась на третьем этаже в доме без лифта в Вест-Виллидж.

Оператор связалась с диспетчером, который вызвал наряд по указанному адресу. Была пятница, час пик. Патрульная полицейская машина приехала через тридцать шесть минут. К тому времени неустановленный абонент уже скрылся.

На площадке были кровавые следы, ведущие от двери к лестнице, дверь квартиры не заперта и приоткрыта. Полицейские с оружием наизготовку позвали жильцов и, не дождавшись ответа, проникли в квартиру.

После чего немедленно вызвали детективов и бригаду криминалистов.

Смерть на дороге. Часть 1

Нэнси Холдер

Грифы границ не признают. К востоку от Сан-Диего, к западу от Юмы, к северу от Мехико – пока существует смерть, стервятникам есть куда податься, есть, чьи черепа ободрать. Еще не пали тени, возвещая конец дня, а они уже молча кружат над добычей, спускаясь к ужину.

Рев семи мотоциклов разорвал тишину словно атомный взрыв, и стервятники взмыли обратно в небо.

Во главе отряда ехал начальник Дружины Окотильо Бобби Морриса, за ним – начальник службы безопасности Страшила и заместитель Джонни Ракета. С Пигалицей и Мануэлем Мендосой их было девять человек, но те занимали бабские места сзади, за Бугаем и Уокером, младшим братом Бобби. Отряд возвращался из почтового отделения через два пыльных городка отсюда, где Бобби что-то забрал из своего абонентского ящика, настолько таинственное, что того и гляди окажешься под колпаком у правительственных спецслужб.

Компания возвращалась домой в Сонрису, тот еще гадюшник с настолько неподходящим названием, что хуже и не сыскать – «сонриса» по-испански означало «улыбка», только там уже давно никто не улыбался.

На Пигалице были новенькие, с иголки, черные кожа-

ные чапсы³. Для нее, во всяком случае, новенькие. Вряд ли она догадывалась, что Бобби стянул их с мертвеца. По сравнению с Бугаем, Мануэль казался какой-то козявкой. С болтающимся на голове «взрослым» шлемом восьмилетний пацан напоминал игрушку-болванчика.

Поравнявшись с валяющимся на обочине белым фургоном, Бобби вскинул руку в перчатке. Неподвижный фургон посреди бескрайней пустыни можно было и не заметить.

Бобби был в темно-синей бандане с нарисованным спереди американским флагом, выцветшим от солнца, как и борода. На обветренном лице между нависшими бровями пролегли глубокие складки, а в углах темно-серых глаз рано появились морщинки. Зубы остались белоснежными благодаря тщательному уходу, и вообще он производил впечатление крупного, чуть ли не полноватого здоровяка, вроде качка-байкера, не брезгующего стероидами. Как и Пигалица, и добрая половина отряда, он носил чапсы поверх джинсов и тяжелые сапоги. С пояса свисала барсетка на толстой серебряной цепочке.

По его сигналу остальные байкеры остановились и спешили, поставив мотоциклы на подножки. Бобби вытащил короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра. Страшила достал дробовик, а Джонни Ракета отстегнул «Узи», за который он и получил прозвище.

Пока не появились вампиры, таскать с собой винтовки и

---

³ Чапсы – кожаные штаны ковбоев.

«Узи» смысла не было.

Сверху за всем этим невозмутимо наблюдали грифы, словно уверенные, что падали скоро прибавится. Предпоследним в группе ехал Марк Томпсон, которого после шестимесячного испытательного срока собирались принять в команду – неслыханное дело: пока весь мир не накрылся медным тазом, так быстро не принимали никого. Токсин – лысый, весь покрытый шрамами, – замыкал колонну. Чтобы заработать право носить эмблему клуба, он числился стажером целых два года.

Томпсон был рыжеволосый, конопатый, в драной джинсовой куртке, на которой было много места для символики Дружины Окотильо – осталось только пройти этот этап.

Полгода назад в баре «Штырь» он до того разошелся, понося гастарбайтеров с кровососами, что запустил бутылкой из-под текилы в телевизор с плоским экраном, где выступала Юки Нитобе, передавая призыв ООН сохранять спокойствие. За это бармен Боди чуть не вышвырнул его вон. Бутылка якобы случайно попала в зеркало на стене за стойкой бара, и по нему пошли трещины. Потом Томпсон набросился на Боди с воплями о том, что за такую пропагандистскую брехню «Штырь» вообще надо спалить дотла, и ни один настоящий американец о нем не пожалеет. Тут вмешался Бобби, объяснив, что «Штырь» принадлежит Дружине Окотильо, а они не одобряют варварства и оскорблений своих товарищей. Протрезвев, Томпсон извинился перед Боди и пред-

ложил купить в бар новое зеркало, но Бобби ограничился штрафом в пятьдесят долларов. Потом у Томпсона с Бобби состоялась долгая душевная беседа о том, как достали эти сраные нелегалы, прущие через границу, а теперь еще и чертовы вампиры.

Бобби предложил ему присоединиться к ним. Можно подзаработать в баре. Или варить мет в подсобке. Вот такие были у окотильской дружины разнообразные источники дохода.

Парни звали Томпсона «Ржавым кумполом», «Рыжебородым», «Рыжая Люсиль»⁴. Он не отлынивал, ходил в дозоры, прикидывался покладистым малым. Только все это было враньем, он был вовсе не тем, кем представлялся – не бунтарем, когда-то торговавшим мотоциклами в Финиксе, а потом прикрывшим лавочку ради дальних странствий. Не идейным пламенным патриотом, как они сами, которым его считали. Томпсон служил в Управлении по борьбе с наркотиками тайным агентом.

Из-под темных очков Томпсон зорко следил за остальными не хуже грифов. Он уже заметил лежащее на песке тело, и судя по взгляду в том направлении, Бобби тоже это заметил. У Томпсона мелькнула мысль, что пострадавшему необходима вода и медицинская помощь, но этим дело и ограничилось.

Молчаливый братишка Бобби Уокер дождался, пока Пи-

---

⁴ Люсиль Болл (1911-1989), американская комедийная актриса.

галица слезет с мотоцикла, и слез сам. Стройная пятнадцатилетняя девчонка с длинными черными волосами, собранными в хвост, стояла рядом с мотоциклом в мальчишечьей джинсовой куртке, под которой виднелась черная футболка «Окленд рейдерс», с неумело подведенными глазами и увешанная дареными дешевыми золотистыми и серебристыми цацками. Их тоже добывали с мертвых мексиканцев, о чем Пигалица могла и не подозревать. Бандитские подвески, кулоны в форме знаков зодиака сверкали на солнце, среди них виднелся крестик ее погибшей матери и отцовский медальон Девы Марии Гваделупской. Если религиозные символы могли охранять от вампиров, то Пигалице не о чем было волноваться.

– Не подпускай детей, – приказал Бобби Уокеру, а сам со Страшилой и Джонни Ракетой заглянул в фургон с оружием наизготовку. Томпсон сохранял почтительную дистанцию. Как низший по рангу, по негласным законам он стоял на стреме, наблюдая за шоссе, готовый поднять тревогу, если кого-нибудь заметит. Прищурившись, он пригляделся к неподвижной фигуре в двадцати ярдах от фургона, и снова мелькнули мысли о воде и медицинской помощи. Но эти мысли он оставил при себе.

Забравшись в машину, Бобби вытащил ржавый темно-зеленый ящик и передал Страшиле. Пока Страшила его открывал, Бобби еще пошарил внутри и выбрался наружу.

– Пусто, – доложил Страшила, держа ящик. – Порожняк.

Бобби пожал плечами и убрал свой «тридцать восьмой» в наружный карман черной кожаной куртки, потом снял ее, обнажив мускулистые руки. На одной красовалась наколка – скрещенные американские флаги, два черепа и подпись «Дружина Окотильо». На бицепсе другой виднелись два длинных шрама, как он говорил, от клыков вампира.

Звяня барсеткой, он перекрестился и присоединился к толпе товарищей, осматривающих тело.

– Слышь, там в песке лежит кто-то, – с акцентом сказал Мануэль.

– Знаю, – ответил Бобби.

– Можно поглядеть? – спросил Мануэль.

– Нет, – сказал Бобби и направился к телу.

– А вдруг он мертвый? Хочу посмотреть, живой он или нет, – канючил Мануэль.

– Господи, Мэнни, – с отвращением покосился на Мануэля Страшила, догоняя Бобби.

Бобби, нахмуясь, бросил взгляд на Страшилу.

– Прикуси язык.

Он был заботливым. После казни их родителей Бобби старался ограждать детей от зрелищ насилия, смерти и ругательств, ведь теперь они стали общими племянниками членов банды.

Уокер открыл сумку-холодильник, притороченную к мотоциклу, и достал две «Орчаты», которые купил в магазине рядом с почтой. Еще он купил Мануэлю новую раскраску и

карандаши, ведь мальчику было всего восемь. Уокер протянул одну бутылку Мануэлю, другую – Пигалице. Томпсон наблюдал за реакцией. От прикосновения Уокера она едва заметно вздрогнула. Потом Уокер отвел детей к фургону, разминая на ходу плечи и шею, усадил на землю в крохотном клочке тени и улыбнулся, окинув взглядом последних из рода Мендоса. Пигалица, залившись краской, уставилась на бутылку, словно видела ее в первый раз.

– Хочешь попробовать новые карандаши? – спросил Уокер Мануэля.

– Нафиг твои карандаши. Хочу посмотреть на того парня, – надув губы, сказал Мануэль.

– Не хами. Попей лучше, – ответил Уокер и посмотрел на Пигалицу. – Ты как, нормально?

Она коротко кивнула, покраснев еще гуще. Уокер сделал вид, что не заметил, и вразвалку направился прочь. Потом кивнул Томпсону. Это был сигнал. Шоссе казалось спокойным.

Уокер и Марк Томпсон оставили детей и присоединились к группе вокруг мертвеца. Труп напоминал скрюченную мумию с согнутыми руками и ногами, как будто он до самой смерти прятался в фургоне, а потом его, уже закоченевшего, выбросили вон. Прямо мексиканский «болотный человек». На правой стороне лица остались лишь потемневшие гладкие кости черепа, оскаленные зубы и пустая глазница, словно на «Веселом Роджере». Слева уцелели обрывки иссохшей

задубевшей кожи и мяса. В подвяленной до густого красновато-коричневого цвета плоти виднелись две глубокие раны с потеками крови. От тела несло протухшим собачьим кормом, а раз вонь не выветрилась, значит, смерть наступила не так давно.

– Вампир? – спросил Страшила, глядя на Бобби. В конце концов, Бобби же якшался с вампирами.

Томпсон перевел взгляд со шрамов на плече Бобби на борозды на лице мертвеца. Интересно, а вампиров стервятники тоже едят? И как они на вкус? Может, привкус у них особый, пикантный какой-нибудь?

Бобби пнул тело пыльным носком сапога.

– Не. – Потом добавил: – Вряд ли.

– Его бросили, – заключил Страшила. – Где же остальные?

– Почему его бросили? – спросил Джонни Ракета.

– Потому что помер, – ответил Бобби, отвернулся от мертвеца и принялся разглядывать землю. – Может, фургон сломался, поэтому они все бросили. Следов других шин не заметили?

Томпсон с Токсином занялись осмотром плавающего от жары асфальта, причем Томпсон даже задрал очки на лоб, чтобы ничего не упустить. Он вносил свою лепту в общее дело, старался по мере сил. Медленно шел по песчаным следам в ту сторону, где размякший асфальт переливался вдали миражом, словно водопад.

Оставшись в одиночестве, словно песчинка посреди осле-

питательной пустоты, он задумался о своем. Связи с куратором не было уже целый месяц. В Управлении по борьбе с наркотиками здорово промахнулись с этой Дружиной Око-тильо. То, что раз-другой в месяц поступало в абонентский ящик на почте, было вовсе не товаром, по крайней мере пока. Томпсон чувал, что наркотой тут и не пахнет, это просто чересчур усердные бдительные парни.

На что ты готов пойти, чтобы не раскрыться? Вот что обсуждали те, кто в теме, в неофициальной обстановке, без уставов и блях. За выпивкой. За картишками. Когда не слышат жены и любовницы. Томпсону делать выбор еще не приходилось. Он знал, что, если придется, он сможет бросить кого-нибудь подыхать в пустыне. Но теперь дело было не в этом. О наркотиках уже речи не было. Теперь перед ним вместе с этими парнями стоял вопрос жизни и смерти.

Он посмотрел на детей. Не могли же они забыть, что эти люди убили их родителей. Это случилось год назад, за полгода до того, как Томпсон разыграл пьяный дебош в «Штыре». Но что такое год для восьмилетнего мальчика? А если у убийцы матери оказался смазливый братец, сможет девчонка со временем умерить свой гнев? Неужели эти двое детей в самом деле поверили, что их родители были вампирами? И как было на самом деле?

Томпсон не настолько хорошо знал этих детишек. Зато прекрасно осознавал, что одна половина его души изо всех сил старалась забыть про смерть, пока другая неустанно бе-

редила рану, чтобы воспоминания всегда оставались свежи. Чтобы сердце кровью обливалось. Такой роскоши, как зарубцевавшиеся раны, он себе позволить не мог. Он продолжал заниматься этим делом, потому что понимал – еще до появления вампиров и всех разнообразных мутантов (любимый термин Бобби), жизнь была трудной и несправедливой, но не настолько, чтобы походить на отрывок из «Апокалипсиса». Непохожей на то, что их теперь ожидало.

Предчувствия относительно отдаленного будущего у него были такие же, как у Бобби. Расходились они в оценке ближайших перспектив. Глядя на пересекающих границу, Бобби видел одних вампиров, а Томпсон – обычных людей, боящихся голодной смерти не меньше, чем чудовищ.

Томпсон знал, на что люди способны от страха и голода. Томпсон устроился в Управление по борьбе с наркотиками, потому что видел семилетних детей, гибнущих от передоза, и порядочных полицейских, повешенных на эстакадах над автострадами после пыток. Тот, кто заявлял, что борьба с наркобизнесом – не война, наверняка сам грел руки на метадоне. Только в этой войне на поле битвы сражались обычные люди, как бы низко они ни пали. Наркота означала деньги, а деньги – власть, возможность мучить и убивать, вот и творили всякие зверства одни люди над другими.

Назревала новая война с совершенно новым, доселе неизвестным врагом.

Один ученый, Лютер Суонн, выдвинул ряд теорий о том,

кто они такие и откуда взялись. Это просто обычные люди, ставшие жертвами обстоятельств. Запущена цепочка трагических событий, и в результате получились чудовища. Как будто они были людьми с ограниченными физическими возможностями. На начальном этапе, когда проблема только была обнаружена, шли разговоры о поисках методов лечения. Когда стало ясно, что лекарство найти не удастся, предметами обсуждения стали терпимость и мирное сосуществование, словно вампиры и вервольфы стали просто новыми ингредиентами замысловатого блюда, варящегося в мировом котле. Да, «новообращенные» агрессивны и опасны, но ведь это не их выбор. Чтобы выкручиваться в своем «положении», им необходимы определенные ресурсы, помощь. И вскоре пошли разговоры об «обоснованной терпимости» к «несправедливо опороченным».

Как оказалось, слова остались пустыми. Бессмысленными. Вот почему выходка Томпсона в «Штыре» пришлась по душе Бобби. Как, собственно, и было задумано.

Томпсон зашевелился, увидев, что Бобби и другие байкеры, кроме него и Уокера, уже седлали мотоциклы. Уокер качал головой, глядя на Мануэля, который закатил истерику.

– Я тоже пойду! – вопил Мануэль.

Томпсон подошел поближе. Пигалица с недовольным видом собирала карандаши, раскатившиеся по асфальту во все стороны.

– Они на охоту собираются!

– Ты тоже пойдешь, когда подрастешь, – сказал Уокер. Он взглянул на Томпсона и мрачно улыбнулся. – Если к тому времени останутся кровопийцы.

Потом он сплюнул на землю.

– Мы тебе оставим одного, – пообещал Томпсон Мануэлю, и Уокер хихикнул.

– Издеваетесь, да? Я вам не сопляк! – закричал Мануэль.

Пигалица подобрала коробку из-под карандашей, фыркнула и, закатив глаза, начала складывать их на место. С яростным ревом Мануэль сжал кулаки и кинулся к ней.

Быстрый, как гремучая змея, Уокер встал между ними, удерживая мальчика.

– Мы женщин не обижаем, – сказал Уокер.

«Какая приятная неожиданность – цивилизованные бандиты», – подумал Марк Томпсон.

Мануэль толкнул Уокера.

– Тоже мне, женщину нашел. Шлюшка сопливая...

– Эй, – сказал Уокер и легонько шлепнул по щеке. – Не хамями.

– Она дура, – закричал Мануэль. Слезы текли по его щекам. – Смеется надо мной, а ты ей позволяешь, потому что втюрился!

– А ну заткнись! Ничего подобного! – побагровев от ярости, огрызнулась Пигалица.

Потом, видно, собиралась добавить что-то еще, но, глянув на Томпсона, швырнула карандаши наземь и зашагала прочь

от фургона, похоже, не понимая, что приближается к мертвецу. Она продолжала идти, не обращая внимания на крики Уокера, который приказывал ей остановиться, и брата, который разразился матерной тирадой по-испански. Томпсон скрывал, что свободно говорит по-испански и понимает все до единого слова. Теперь он убедился, что никто ничего не забыл. Мануэль обвинял сестру в гибели родителей, мол, эта потаскуха путалась с вампирами, водила их домой, так они и добрались до отца с матерью.

Не дождавшись никакой реакции от сестры, Мануэль испугался и начал тонким жалобным голосом звать ее по имени («Анхела, Анхела!») как заведенный.

Как будто его переклинило. Самый настоящий посттравматический стресс.

Томпсон наблюдал, как она изо всех сил притворяется, что не замечает выходки брата, вся сжалась, ссутулилась, как будто ее сейчас стошнит. Да, детишки явно еще не оправились. А разве могло быть иначе? Было бы странно, если бы все шло нормально.

«Мое дело – сторона» – такой вид Томпсон всегда напускал в присутствии байкеров. Спокойный, сдержанный. Это было похоже на вранье. Чем проще у тебя взаимоотношения с людьми, тем легче прикидываться. Он же не социальный работник, так какое ему дело до проблем Анхелы с Мануэлем? И все-таки на душе было беспокойно. Мануэль единственный до сих пор звал сестру Анхелой, хотя ей уже да-

ли байкерскую кличку. До войны пятнадцатилетние девушки считались достаточно взрослыми.

Бобби ясно дал понять, чтобы к Пигалице никто не вздумал клеиться, но долго ли продержится это табу? Томпсон понимал, что для тех мужиков, что стервятниками кружат на ее горизонте, нет особой разницы, свежак им достанется или чужие объедки. В окрестностях Сонрисы выбор нынче небогатый.

До появления Томпсона в этих местах хозяйничала другая банда, «Короли пустыни», а у них были общие дамы в возрасте. Парни Бобби раньше тусовались с ними. Но потом «короли» перебрались в другое место. Томпсон точно не знал почему. Бобби говорил, что им тут наскучило, но по его тону Томпсон понимал, что не все так просто. Возможно, тут была замешана женщина. Или передел рынка сбыта наркотиков.

Мануэль обернулся к Томпсону и прищурился.

– Эй, рыжий черт, – съязвил он, коверкая кличку Томпсона. – Возьми меня на охоту.

– Не хаами, – сказал Уокер, ткнув в него пальцем, и отошел к Пигалице.

Она как раз поравнялась с трупом, не оборачиваясь, рухнула на колени, зажимая рот обеими ладонями, и тут ее стошнило.

Уокер заботливо склонился над ней, но руки не распускал. Томпсон отметил это для себя. Мануэль рванулся к ним,

и Томпсону пришлось решать, как быть дальше. Сделав выбор, он рванул за мальчишкой, схватил за руку и оттащил назад. Мануэль в ярости начал брыкаться.

Томпсону ничего не стоило сбить его с ног одним щелчком, сломать руку, ногу или даже хребет, словно тростинку. Но он держал его на расстоянии, пока мальчишка вырывался и махал руками, во все стороны брызжа слюнями.

– А ну пусти, козел! Я хочу мертвяка поглядеть! – орал он.

– Не смей мне грубить, – приструнил его Томпсон.

– Пожалуйста, дай мне посмотреть на мертвеца, – удивительно отчетливо по слогам процедил Мануэль сквозь зубы.

Все еще держа Мануэля, Томпсон взглянул на Уокера.

– Ой, да черт с ним, – пожал плечами тот.

– Нет. Ему лучше такого не видеть! – закричала Пигалица.

Но Томпсон уже отпустил Мануэля, и тот рванул вперед. Он упал на колени рядом с Пигалицей и уставился на мертвеца. С Уокером в этой странной семейной сцене их стало четверо. Томпсон сразу представил «Пьету» Микеланджело, скорбь и боль. Но здесь этого не было. Он держался поодаль, заглядывая в фургон в надежде выяснить, что же случилось с остальными пассажирами. А вдруг тот тип ехал один? Может, фургон сломался, он хотел его починить, а потом не вынес такого пекла и погиб.

«Ну что, угадал? Все так и было?» – мысленно спрашивал он грифов, круживших над ним в ярко-синем небе.

Они наблюдали за ним, как бы говоря: «Да сдохни ты

уже».

У мертвеца не было с собой документов, кошелька, в пустые карманы насыпался песок. Уокер попросил Томпсона помочь вырыть яму, и они вместе кое-как раскидали песок и даже умудрились присыпать все тело целиком. Потом Уокер наклонил голову, прошептав несколько слов, как он объяснил, из молитвы о душах в чистилище. Томпсон не был католиком, но слышал, что существование чистилища они больше не признают. Однако он ничего не сказал, просто склонил голову вместе с Пигалицей и Мануэлем.

Пигалица запела грустную песню, которую Томпсон слышал по радио, гнусавя словно какая-то поп-звезда, и каждая высокая жалобная нота отскакивала, будто мячик, ввысь, к парящим в воздухе грифам. У Пигалицы, наверное, уже око-рока испеклись в этих черных кожаных чапсах, но она продолжала петь, поглядывая на Уокера, а Мануэль тем временем пыхтел и отдувался, ковыряя песок носками теннисных туфель, словно хотел откопать мертвеца и взглянуть еще разок.

Когда она допела, Уокер наклонился, взял пригоршню песка и рассыпал ее на могильный холм.

– Пепел к пеплу, прах к праху, – нараспев произнес он, хотя ни того, ни другого поблизости не было.

В другое время и в другом месте к Уокеру навечно бы при-

клеилось прозвище «проповедник». И одевался бы он соответственно: в плоскую широкополую шляпу и пыльник. Может, даже таскался бы с библией. Уокер и Томпсон тщательно обследовали фургон, найдя под сиденьем водителя записку, в которой было написано: «Мончо, Вьеха, 12». В Сонри-се была улица Вьеха, и человек по имени Рамон, живший в этом унылом городишке. «Мончо» – как раз уменьшительное имя от Рамона. Ни Уокер, ни Томпсон не знали, жил ли Рамон в доме номер двенадцать на улице Вьеха.

Когда вернулся Бобби с другими байкерами, он здорово разозлился из-за похорон. Томпсон понимал: это потому, что Бобби не знал, что с этим делать. Раньше, когда они были простой бандой байкеров, патрулированием занимались местные активисты. Но тех уж давно и след простыл, и Томпсон так и не понял, куда они делись. А когда Бобби решил взять дело в свои руки, банда договорилась с государственным Пограничным патрулем о том, что будет им возвращать всех пойманных нелегалов и докладывать о погибших, как этот. Насколько понимал Томпсон, сотрудничество прекратилось по двум причинам: казнь семьи Мендоса и нарастающие беспорядки по всему миру. Томпсон вообще сомневался, что в этих краях остался хоть один представитель Пограничного патруля. Теперь закон вершили парни из «Дружины». И Мончо из дома двенадцать по улице Вьеха просто не повезло.

Когда байкеры оседлали свои мотоциклы и продолжили

обратный путь в Сонрису, грифы снова начали снижаться и наконец приземлились на могильный холмик. Судя по разбросанным обломкам горного оборудования и развалинам какого-то непонятного приземистого здания без крыши и окон, до города оставалось уже недалеко. Там обитало еще около тысячи жителей, и примерно сотня учащихся посещала начальную школу. До средней школы было минут сорок езды на автобусе, но по мере того, как ситуация в округе ухудшалась, старшекласников становилось все меньше. Байкеры сопровождали школьный автобус каждое утро и вечер. Поначалу такое решение получило всеобщее одобрение. Но теперь людей одолевали сомнения. Что это, вооруженная охрана или вооруженный конвой? Кто эти дети, пассажиры или заложники?

Мотоциклы стрекотали между облезлыми деревянными домишками словно кузнечики. Лужаек перед домами не было, зато почти на каждом висел американский флаг. На песке возле крыльца или почтового ящика стояли статуи Девы Марии Гваделупской, Христа или Святого Франциска. Католическая церковь была оживленным местом. Кучерявый темнокожий священник, отец Патрик, был любезен с байкерами, ведь они положили конец осквернению кладбища, и ни словом не упоминал парную могилу четы Мендоса.

Когда Бобби их прикончил, никаких свидетелей, кроме байкеров, не было. Потом он написал длинный подробный рапорт с описанием всей трагедии – Бобби решил, что это

грабители или вампиры – и его версию подтвердили все до единого.

Вскоре после этого закрылся полицейский участок рядом с винным магазином. Говорили, что их перевели в Аламе-ду-дель-Сюд, соседний пыльный городок. Но это было ложью. Там на главной улице стояло еще больше закованных домов, чем в Сонрисе.

Ветер гонял по улице перекати-поле. При звуке моторов в некоторых окнах мелькнули чьи-то лица. Байкеры обеспечивали безопасность горожан, но те их боялись... Томпсон был почти уверен, что они обсуждали, что хуже, вампиры или «дружинники». На счету защитников всего двое убитых. Ну, может, еще несколько коров и овец. А может, и нет.

Клуб размещался в нескольких передвижных домах, установленных рядом с одним капитальным, где жили Уокер и Бобби. Его недавно покрасили в светло-бирюзовый цвет, на парадной двери висел большой кованый железный крест, а над гаражом красовался герб, выкрашенный в цвета «Дружины Окотильо». У Пигалицы и Мануэля были отдельные комнаты. Томпсон снимал квартиру в соседней задрипанной халупе. Кандидатам жилье не предоставлялось.

Уокер и Бугай повели детей домой. В песчаном дворе остались четверо дружинников и Бобби. Томпсон знал, что они направляются на Въеха, 12. Не прошло и трех минут, как они оказались перед нужным домом. Бобби достал свой «тридцать восьмой», а потом, к удивлению Томпсона, еще

один. До сих пор Томпсон не замечал, что у Бобби было запасное оружие. Он протянул его Томпсону.

– Пора отработать свое содержание, – сказал Бобби.

От жары и неизбежности у Томпсона испарились последние следы сомнений, и он твердой рукой взялся за оружие.

– Может быть, – сказал он, и Бобби нахмурился. – Может, и пора.

– Ты че там вякнул? – сощурился Бобби.

– Тут, может, и делать нечего, – спокойно и невозмутимо ответил Томпсон. По крайней мере, ему хотелось, чтобы это так прозвучало. – Ну, Въеха, ну, д12, но мы-то не знаем, что это значит.

Бобби смотрел на него пару секунд.

– А я знаю, что хватит трепаться, – наконец сказал он. Потом показал на дверь. – Вышибай.

– Может, лучше постучать? – уточнил Томпсон. – Не, если хочешь, вышибу, не вопрос.

– Приказы я не повторяю, – огрызнулся Бобби и вдруг с выпученными глазами и отвисшей челюстью уставился куда-то позади Томпсона. Взглянув на него, Томпсон резко обернулся, припав на колени и целясь из «тридцать восьмого» в то, что так перепугало вожака. Трое стоявших позади Томпсона среагировали так же: выхватили оружие, обернулись и стали высматривать, что же там заметил Бобби. Ясный день, ветхие домишки, карканье ворон.

– Что? – всполошился Страшила. – Что случилось, Бобби?

Бобби сплюнул на крыльцо, шумно выдохнул и вытер пот и грязь со лба.

– Страш, вы с Джонни-Ракетой зайдите с тыла. На всякий случай.

«Что же такое он там увидел?» – подумал Томпсон.

– Черт, – пробормотал Бобби. – Нахрен. Стучи, Рыжий.

В доме действительно оказались знакомые того мертвеца. Двое мужчин, две женщины. Мончо кому-то приходился родственником, но дома его не было. Куда он делся, объяснили весьма туманно, но Томпсон разобрал их бормотание по-испански и понял, что Мончо поехал забрать тех двоих, что ехали в «Шевроле» за фургоном.

В прибранной, чистой гостиной, уставленной религиозными изваяниями и картинками Святейшего сердца Иисуса, на потрепанном диване, обтянутом синим бархатом, и паре стульев сидели четверо: девчонка, примерно ровесница Пигалицы, мальчишка-подросток, старик и пожилая женщина, все изможденные, испуганные и несчастные. У каждого в руках было по стакану воды и бутерброду с арахисовым маслом. Прибыли они из какой-то приграничной дыры, Томпсон о такой даже не слышал. В Мексике жизнь становилась все хуже и хуже – компании разорялись, магазины закрывались, полицейские уходили в армию. А вампиров все прибывало.

– Вчера мы видим вампиров, – сквозь слезы сказала девочка.

Мужчина, погибший в пустыне, был ее повю, жених. Но Томпсону показалось, что известие о его гибели она восприняла с явным облегчением.

– Так нахрена вы сюда приперлись? – закричал Бобби, хватая ее за руку и поднимая на ноги.

Оба мексиканца тоже вскочили. Томпсон поняла, что пора доставать свой «тридцатьвосьмой». Токсин тоже вытащил оружие, но в ход пускать его не стал. Переглянувшись с Токсином, Томпсон заметил, что тот обеспокоен очередным срывом Бобби, с ним явно творилось что-то неладное. Томпсон задумался, вдруг ему не рассказали еще о какой-то находке в пустыне? А может, теперь он узнает о содержимом почтовых ящичков «Дружины»?

– Ну все, тебе конец. Сейчас всех перебыю, – рычал Бобби, волоча визжащую девчонку через всю комнату.

Пожилая женщина кинулась на Бобби, но Страшила ее оттолкнул, она отшатнулась и плюхнулась обратно на диван. Томпсон узнал кое-что еще. Девушку звали Марией. Они с женщиной не были знакомы до встречи с проводником в условленном месте, которому заплатили за перевод через границу. Проводником оказался тот самый недавно похороненный мертвец. Мальчишка и старик тоже никак не были связаны ни с Марией, ни с этой женщиной, чье имя Томпсон пока не узнал.

Пока остальные размахивали оружием, Томпсон держался спокойно. Пожилая женщина кричала. Двое мексиканцев собирались кинуться на байкеров, что было равносильно самоубийству.

– Если их пристрелить, народ скандалить начнет, – сказал

Томпсон.

– Да и хрен с ним! Здесь мы хозяева, – заявил Бобби. – И вообще, пора валить из этой сраной дыры.

«Как далеко ты зайдешь, спасая свою собственную жизнь?» Нет, он на такую жизнь не подписывался.

Мексиканцы быстро заговорили по-испански, доказывая, что они не вампиры. Смотрите, смотрите, они не могут повернуть ступни назад. Они могут перепрыгнуть через рассыпанную соль. И прочие дурацкие поверья. Только нынче открыто такое множество разных видов вампиров, что вряд ли найдется верный способ определить, зубастики эти «мучачос» или нет.

Томпсон знал, что Бобби не понимает, что говорят мексиканцы, а еще понимал, что перед ним распинаться бесполезно. Мончо собирался отвезти их в Финикс, чтобы устроить на работу, так что они здесь надолго не задержатся.

А еще старик с подростком говорили о ножах за голенищами и о ружье, спрятанном под подушкой дивана, и пытались придумать, как с их помощью избавиться от байкеров.

Томпсон не хотел, чтобы Бобби знал про его испанский, поэтому пристально уставился на мальчишку, указал взглядом на диванную подушку и едва заметно покачал головой.

Мальчишка побледнел, сообщил старику, что рыжий гринго понимает их язык, тогда старик громко и отчетливо, чтобы Томпсон расслышал каждый звук, произнес по-испански:

– Мы чисты. Я клянусь, мы чисты.

– Валите отсюда, – приказал Бобби по-английски, потому что других языков не знал. – Не уберетесь – всех порешим.

Старик покосился было на Томпсона, но подросток его одернул. Тогда он пообещал, не сводя с Бобби глаз:

– Мы уедем, как только вернется Мончо. Клянусь.

– Они что-то замышляют, – заметил Бобби. – Собираются на нас напасть.

– Вот тогда у нас будет причина, – отозвался Бугай. – Самозащита.

Не выпуская скулящую девчонку, Бобби ослабилась. Пожилая женщина приказала ей замолчать.

– Да не нужна нам никакая причина, – Бобби помахал пистолетом. – Всем сесть!

Потом поставил девчонку перед собой и толкнул на диван. Томпсон посмотрел на подростка и снова покачал головой. Усевшись на диван, парень положил руки на колени, на виду у Томпсона. Старик сделал то же самое. Даже если Бобби их поведение показалось странным, он не подал виду.

Джонни Ракета и Страшила поджидали за домом, пока на белом фургоне не подъехал Мончо в сопровождении двоих мужчин на побитом «Форде Рейнджере». Мончо был молодой, высокого роста, его пассажиры – измученные жаждой, обгоревшие на солнце, со слезящимися глазами. После того, как Бугай с Токсином их обыскали, Томпсон и Страшила загнули их в дом. В гостиной стало очень тесно. Мончо жил

там один, рассказывал, что получил небольшое наследство, но более вероятно, он зарабатывал на жизнь, проводя людей через пустыню.

– Сэр, я отвезу их в Финикс, – сказал Мончо Бобби. – Они ищут работу. Девчонка – моя кузина. В Финиксе у нас есть еще родственники.

– Томпсон как раз из Финикса, – сказал Бобби. – У него там был магазин. Как он назывался? «Крылатые мотоциклы»?

– Ну может быть, – Мончо вскинул голову, потом кивнул. – Вроде слышал.

– А вот и врешь, – парировал Бобби, – он совсем не так назывался.

– Финикс – город большой, – ответил Мончо. У Томпсона как раз мелькнула та же мысль.

Может, там и был магазин-мастерская с названием «Крылатые мотоциклы». Он покосился на Бобби. С ним творилось что-то непонятное.

– Я просто хотел отвезти их в Финикс. Ну пожалуйста, – попросил Мончо.

– Нелегально, – ответил Бобби.

Мончо заколебался.

– В Мексике совсем некому подписать бумаги.

Он показал на пожилую женщину, которой разрешили налить воды и сделать бутерброды для вновь прибывших.

– Вон той женщине, Амалии, визу уже одобрили, но когда

она пришла в офис, там никого не оказалось. Все разбежались. Пожалуйста, они все чуть не погибли в пустыне.

Томпсон выглянул в окно. Солнце уже садилось, раскрашивая стены соседнего дома лавандовыми и оранжевыми мазками, от которых он прямо преобразился, даже похорошел. Сумерки – это не проблема, ведь Бобби рассказывал, что вампиры могут расхаживать и среди бела дня.

Могут заявиться в «Штырь» и заказать выпивку, их отражение появится в треснутом зеркале. Они могут заглянуть в продуктовый магазинчик, посетить службу в церкви, заняться сексом. Они не превращались в летучих мышей или крыс, не умели летать. Лютер Суонн открыл всему человечеству, что вампиры ничем не отличались от людей, пока не наступает время еды. Тогда у них вытягиваются такие клыки, что запросто протыкают артерии. Жертвы погибают от потери крови.

Целых полгода в Сонрисе гибли от потери крови куры, козы, овцы и коровы, пока Бобби не казнил семью Мендоса. Народ держал живность на своих участках и выпускал в общественные места, где еще пробивалась хоть какая-то растительность – из-за кризиса городским властям было не до разборок с правами на землю. Но когда на песке начали находить высохшие скелеты, терпение у людей лопнуло.

Некоторые латинос проводили всякие мексиканские ритуалы – прикалывали изображения Девы Марии Гваделупской, сжигали травки, клали яйца в банки с водой и ставили

их в стойла и загоны. Ничего не помогало.

После погребения четы Мендоса падеж скота на какое-то время прекратился, потом возобновился. Уокер грешил на чупакабр, козых кровососов. Крылатые, красноглазые чудовища, рептилоиды, инопланетяне – никто толком не знал, как они выглядят, потому что «факты», свидетельствующие об их существовании, годились разве что для ночных радиопередач вроде «От края до края». Владелец винного магазина божился, что видел, как такая тварь спикировала на задний двор церкви, но отец Патрик заявил, что ничего подобного не видел. Потом по телевизору была передача про восточноевропейских вампиров, которых отпугивали кресты и святая вода. От этой новости всем стало не по себе. Оказывается, вампиры еще и разные бывают, вот это да! Вспышки вампиризма происходили по всему миру, но каждый раз появлялся новый вид. Так говорили эти кретины в ящике.

У Томпсона как-то возникала мысль о тайной эксгумации убитых Мендоса, чтобы понять, сможет ли он распознать в них вампиров. Но повода не было, кроме того, он толком не знал, что искать. Он готов был поклясться, что их можно определить по клыкам. Судя по тому, что Бобби даже как следует не осмотрел «болотного человека», Томпсон решил, что он или тоже без понятия, как вычислить вампира, или заподозрил Мендоса по какой-то другой причине.

– Пожалуйста, – сказал Мончо Бобби, – разреши им остаться в Америке. В Мексике небезопасно. Там ад кро-

мешный.

– Приведите пару грузовиков, – приказал Бобби Томпсону и Токсину, – «Шеви» и «Бронко». А этих мы пока приготовим к отправке.

Приготовим, словно это была партия сыра или бараны.

– О нет, – тихо в отчаянии сказал Мончо.

Пожилая женщина перекрестилась. Девчонка снова расплакалась. Четверо мужчин-нелегалов уставились друг на друга.

Только Томпсон знал о ружье под диванной подушкой и по профессиональной привычке прикинул несколько вариантов развития событий – перестрелку, резню и даже чудо. Потом еще раз напомнил себе, что он секретный агент, а не социальный работник, и обнаружил, что делать это приходится все чаще.

Они с Токсином вышли на улицу, сели на мотоциклы и поехали обратно.

Уокер курил на крыльце. Он никогда не курил в доме.

– Нам нужны два грузовика, – сказал Токсин. – Бобби приказал.

– Ключи на крючке, – сообщил ему Уокер. – Томпсон, подожди здесь.

Токсин скрылся в доме. Томпсон решил, что ему просто не по чину соваться внутрь, и артачиться не стал. А может, Уокер хотел о чем-то поговорить с глазу на глаз.

Уокер протянул ему пачку сигарет. Томпсон взял одну,

прикурил от предложенной зажигалки. Огоньки сигарет светились во тьме, поглотившей окрестности. Огромный крест на бирюзовой двери маячил, словно тень.

– Как думаешь, среди тех нелегалов вампиры есть? – спросил Уокер Томпсона.

Томпсон сообразил, что Уокер собирается втянуть его в свои разборки с Бобби. Не самое лучшее время для этого.

– Не знаю, – затянувшись, выдохнул Томпсон. Хорошая сигарета. Он правда бросил курить два года назад, но черт с ним. – Но они точно нелегалы.

Уокер задержал дыхание, как будто курил косяк. Наморщил лоб. Сделал вторую затяжку, подольше, выдохнул. Снял крошку табака с языка. Он явно нервничал.

– Бобби собирается их убить? – спросил он Томпсона.

– Не знаю, – повторил Томпсон. – Мы собираемся их отсюда вывезти.

– Да. Хорошая идея, – заметил Уокер. – Они, может, вампиры. Или зараженные. – Он уставился на свою сигарету. – Не верю я во все эти рассказы про то, как люди становятся вампирами.

– Ага, – протянул Томпсон. – Я все грешу на чуакабр.

Уокер с сомнением кивнул.

– Мы их повезем в грузовиках, – добавил Томпсон. – Хотя у Мончо есть тачка и фура.

Его просто бесило то, что Бобби собирался их бросить посреди пустыни без надежды на спасение.

– Они преступники, – печально сказал Уокер. – Они нарушили закон.

– После этого надо бы закатиться в «Штырь», – заметил Томпсон. – Спустить пар.

Там его мобильник ловил сигнал, может, на этот раз получится дозвониться до куратора, придумать план выхода из операции.

Он представил, что офис в Финиксе стоит заколоченный, как полицейский участок в Сонрисе. Представил, как звонит телефон в кармане мертвеца в гробу, а потом включается автоответчик. Если так пойдет и дальше, его мобильник скорее всего тоже окажется в гробу.

Может, остаться? Вдруг получится что-то изменить, предотвратить. Он вспомнил о мертвеце в пустыне.

«А если бы мне показалось, что он еще жив, решил бы я на что-нибудь?»

Он подумал о девчонке и о других, которых скоро бросят на границе, если у Бобби действительно были такие планы, – на милость тех, кто там остался: пограничников, проводников-контрабандистов, сутенеров.

– Да, в «Штырь» было бы неплохо, – заметил Уокер. – Я поговорю с Бобби.

Пригнав грузовики к дому 12 по улице Вьеха, Томпсон с Токсином обнаружили плачущих женщин, двоих мужчин на полу гостиной и еще двоих на полу кухни. Мончо сидел на диване под прицелом пистолета Бобби и тоже лил слезы.

В воздухе стоял густой смрад крови и пороха.

Подросток-идиот все-таки попытался воспользоваться ружьем в диване. Бобби прострелил ему плечо, а когда пожилая женщина попыталась остановить кровь голыми руками, Бобби ткнул ей в лицо стволом и отогнал прочь. Подросток заляпал кровью весь линолеум в кухне, но Мончо это уже не касалось – его Бобби тоже хотел выгнать за границу, хотя Мончо был гражданином США. Он родился в Сонрисе двадцать три года назад. Учился в той же школе, куда нынче детей возили на автобусе. Его мать родилась в Альбукерке и жила там же.

Бобби не было до этого дела. Мончо для него был частью этой чумы, эпидемии. Если уж он так любит мексиканцев, то пусть катится к ним.

– У меня же там ни родни, ни жилья, ни работы, – ныл Мончо, пока его загоняли в грузовик под конвоем байкеров. Бобби даже заставил его идти с руками на затылке, как пленного.

– А мне-то что? – сказал Бобби, наблюдая, как Томпсон и

Токсин закидывают потерявшего сознание парня в кузов.

Всех мужчин согнали в один грузовик. Обоих женщин Бобби приказал посадить в другой, чтобы перестали выть, а Томпсон сел за руль. Бобби занял место рядом с ним. Может, почуял его внезапный порыв, сумасшедшую мысль заложить крутой вираж, скрыться во тьме с этими горемыками в кузове и удрать куда глаза глядят в поисках лучшей доли.

Если бы они позволили Мончо взять машину, его бы пропустили обратно в Америку просто по номерам. Ну и урод этот Бобби!

При звуке проезжающих грузовиков на улицу вышло несколько зевак, в основном белые, но попадались и смуглые.

Байкеры оставили мотоциклы у дома Мончо. Томпсон решил, что их никто не тронет. А может, сегодня случится революция. Хотя горожане небось так боятся вампиров, что до настоящих чудовищ, которые живут среди них, руки не дойдут.

– Куда ни плюнь, везде эти твари, – сказал Бобби через час, когда они свернули с шоссе и тряслись по руслу пересохшего ручья. Свет фар пронзал темноту, выхватывая чьи-то силуэты, проворно скрывающиеся в ложбинах, скрюченные за редкими валунами, чтобы их не заметили. Нелегалы, пересекающие границу. Теперь их гораздо больше, чем обычно. Сейчас бы «Королям пустыни» было сплошное раздолье, не то что раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.